

УДК 316.772

**К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА МЕТОДОЛОГИИ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ
КУЛЬТУР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ БАЗОВЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК**

С.А. Песоцкая

Томский политехнический университет

E-mail: swetla-62@tpu.ru

Песоцкая Светлана Александровна, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения Института международного образования и языковой коммуникации ТПУ.
E-mail: swetla62@tpu.ru
Область научных интересов: теория, история и методология исследования литературы и культуры.

В статье выделены наиболее значимые, с точки зрения автора, базовые характеристики национальных культур. Постулируются основные методологические принципы системного изучения национальных культур. В качестве типологической черты русской культуры рассматривается наличие бинарных оппозиций в ее системном единстве, а сама культура оценивается как дуалистическая, дихотомичная. Сделан вывод об ограниченности использования формальных/количественных методов исследования при описании русской культуры.

Ключевые слова:

Сравнительное изучение национальных культур, базовые характеристики, высокая/низкая степень контекстуальности, степень избегания неопределенности, единство культуры, оппозиция в культуре, дихотомичность русской культуры, основные методологические установки системного изучения культуры, сочетание формальных/количественных и неформальных/качественных методов исследования.

Как известно, американский антрополог и лингвист Эдвард Холл и голландский социальный психолог Гирт Хофстеде в 60–80-е гг. XX в. ввели в оборот межкультурной коммуникации восемь базовых характеристик культуры, являющихся теми измерениями, которые позволяют выстраивать контекст сравнительного изучения национальных культур. К таким измерениям относятся:

- особенности восприятия времени и его использования в социальной практике человека;
- особенности восприятия пространства и его использования в социальной практике человека;
- высокая/низкая контекстуальность;
- скорость распространения потоков информации [1–3];
- мужской/женский характер культуры (маскулинность/феминность);
- степень проявления коллективизма/индивидуализма;
- иерархическая дистанция власти;
- низкая/высокая степень избегания неопределенности [4–6].

(В отличие от большинства российских ученых предлагаем использовать словоформу «избегание» вместо «избежание», поскольку существительное, образованное от несовершенного вида глагола, означает длящееся, постоянно повторяющееся явление, некую константу языка и культуры, тогда как другая словоформа обозначает однократное, завершенное действие.)

В настоящий момент в теории и практике межкультурной коммуникации насчитывается более 20 базовых характеристик, отражающих национальное своеобразие культур. Часть из них можно извлечь, опираясь на типологию культур, предложенную голландским ученым Фонсом Тромпенаарсом [7]. Это особенности восприятия носителями культуры окружающей среды, нейтральность или эмоциональность носителей культуры, принятые в качестве нормы

поведения, использование принадлежности к привилегированной группе или, напротив, личных достижений как инструмента повышения социального статуса, а также возможность или невозможность статусных изменений человека в зависимости от изменения его роли в той или иной ситуации общения.

По последней характеристике культуры могут называться специальными или диффузными. В специальных культурах некий N. для своих студентов в учебной ситуации – профессор, а в ситуации игры в боулинг в составе одной команды – «свой парень». В диффузных культурах изменение статуса практически невозможно: профессор остается профессором и в университете, и на рынке, и на дорожке для игры в боулинг [8. С. 56]. Впрочем, два последних культурных измерения пересекаются с иерархической дистанцией власти по Хофстеде.

Нам представляется, что среди всех предложенных западными учеными измерений национального своеобразия культур наиболее наукоемкими являются два – высокая/низкая контекстуальность и степень избегания неопределенности (также высокая или низкая). Наукоемкость данных базовых характеристик проявляется как в количественном отношении (имеется в виду частотность их репрезентации в многочисленных текстах языка и культуры), так и в качественном отношении (то, насколько данные характеристики раскрывают ментальное поле культуры, ее проблематику, насколько глубокими являются их прямые и ассоциативные связи с другими культурными измерениями).

Неслучайно В.В. Колесов рассматривал неопределенность как одну из наиболее значимых характеристик национальной ментальности русского языка [9. С. 221–229].

Недостаточно изученной остается *взаимосвязь между собой базовых характеристик внутри национальной культуры как системного целого*. Этот факт определяет непреходящую значимость системного подхода к изучению культуры и языка, его вневременное значение.

Так, зарубежные и отечественные ученые отмечают, что высокая степень проявления неопределенности характерна для ситуаций с высоким контекстом и, соответственно, для культур с доминированием высокого контекста. Напротив, попытка избежать неопределенности свойственна культурам с доминированием низкого контекста [10]. При этом высокая степень избегания неопределенности связана с проявлением осторожности, а низкая – со способностью к риску. Если представители культур с высоким уровнем избегания неопределенности нуждаются в многочисленных формализованных правилах и инструкциях для того, чтобы чувствовать себя комфортно, то представители культур с низким уровнем избегания неопределенности поступают, руководствуясь либо личным желанием, либо интуицией, либо неписаными правилами поведения, и при отсутствии последних не испытывают состояния дискомфорта, легко находят выход из любой затруднительной или экстремальной ситуации и склонны к риску.

С точки зрения большинства западных [11] и части российских [10] ученых, для русской культуры характерны высокая контекстуальность и высокий уровень избегания неопределенности. Но *высокая степень проявления неопределенности – не то же самое, что высокая степень ее избегания*. Русское языковое сознание абсолютно «сжилось» с неопределенностью и воспринимает ее как норму. Это проявляется как на лексическом уровне языка (в наличии большого количества слов со значением приблизительности, неточности измерения чего-либо: немного, чуть-чуть, чуточку, капельку, может быть и т. п.), так и на грамматическом уровне: многочисленные неопределенно-личные и безличные конструкции отражают тот факт, что носители языка не испытывают потребности обозначить, кто именно или что является субъектом/исполнителем действия: «О батарее Тушина было забыто» («Война и мир» Л.Н. Толстого). В европейских языках этому явлению может соответствовать использование пассивного залога, выражающего значение неагентивности.

Здесь мы сталкиваемся с характерной трудностью: предложенные западными учеными термины, перенесенные на национальную почву российской науки, получают иное содержательное наполнение, что приводит к путанице в понятиях. Так, в русской научной традиции закрепилось представление о неопределенности как о своего рода терпимости; в западной же традиции под термином *неопределенность* имеется в виду желание и способность ее избежать. Разница в толковании понятия, обозначенного одним словом, кроется не только в

недостатках перевода, но и заключается в том, что одно и то же явление абсолютно по-разному «живет» в разных национальных культурах. Один из российских исследователей указал на то, что ввиду различия толкований и разницы в методиках измерения становится невозможно свести в единый контекст (привести к общему основанию) результаты российских и зарубежных исследований [12].

Склонность русских описывать в категориях неопределенности и деятеля, и действие, и процесс его осуществления А.А. Мельникова связывает с нелогичным, неструктурированным, непросчитываемым образом мира, который требует от носителей языка нелогичных, неконструктивных действий, тяготения скорее к спонтанности, чем к рациональному планированию, к действию по наитию, а не по расчету [13. С. 316].

Однако считаем необходимым заметить, что в случае с русским языком возможна ошибка привязки неопределенно-личных и безличных конструкций исключительно к категории неопределенности: данные конструкции могут обозначать не только явления, которые говорящий не хочет или не может обозначить, но и нечто совершенно другое – такие состояния природы или самого человека, которые не зависят от его желания или воли: *моросит, знобит, не спится* и т. п. Подобные конструкции отражают более сложную картину мира по сравнению с картиной мира, характерной для языкового сознания народов Запада, ее более диалектическое понимание русскоговорящим человеком.

Справедливым можно считать мнение философа и психолога А.А. Мельниковой о том, что для носителей русского языка характерно использование двух противоположных стратегий: представления о непредсказуемости будущего, обозначенного идиомой «авось» (в терминологии межкультурной коммуникации это стратегия риска), и стратегии перестраховки, обозначенной идиомой «на всякий случай». И трудно сказать, какая из стратегий доминирует. Обе стратегии, с точки зрения исследователя, представляют собой две стороны одной медали, потому что в их основе лежит понимание мира «как неструктурированного, нелогичного и, следовательно, непросчитываемого образования» [13. С. 117–118, 122].

Есть множество фактов, свидетельствующих против высокой контекстуальности русской культуры и высокой степени избегания неопределенности ее носителями. Так, выбор русскими экстремальных профессий (спасатель, каскадер) – проявление склонности к риску в сфере бытового поведения. Лучшие каскадеры, работающие на съемках фильмов Голливуда, – русские. Повышенный травматизм на дорогах, более низкий уровень стресса при потере работы также свидетельствуют против высокого уровня избегания неопределенности носителями русской культуры. Точно так же многословие в дружеском общении, научном и учебном дискурсах свидетельствует о наличии низкого контекста в русской культуре. Показателями низкого контекста в данном случае являются стремление высказаться до конца, в сказанном выразить все подразумеваемое, более высокая информационная плотность высказывания, чем в речевом дискурсе людей Запада. Таким образом, в структуре русской культуры аргументы «за» и «против» низкого и высокого избегания неопределенности и степени выраженности контекстуальности уравниваются «на чаше весов» [14].

Нельзя исчислить все тексты культуры и все коммуникативные ситуации, в которых проявляется та или иная базовая характеристика культуры. В данном случае мы имеем дело с неисчислимым, бесконечным множеством. Можно лишь условно говорить о том, какие ситуации и тексты являются более показательными или характерными для национальной культуры. Поэтому количественные методы измерения базовых характеристик культуры не могут быть признаны релевантными. И в особенности их применение должно быть осторожным, когда дело касается характеристики *русской культуры как культуры дихотомичной, проблемное поле которой изначально построено на оппозициях, что определяет ее национальное своеобразие как культуры промежуточного типа, находящейся между культурами мирами Запада и Востока*. Методологически ценным в этом отношении можно считать тезис Г.П. Федотова о том, что ментальная основа русской культуры в разрезе представляет собой эллипсис с двумя разно заряженными ядрами (как «плюс» и «минус»), противостояние которых друг другу и одновременно внутренняя взаимосвязь являются своеобразным механизмом, раскрывающим проблемное поле культуры [15. С. 77].

Как культуру бинарных оппозиций рассматривал русскую культуру и Н.А. Бердяев, выделивший в структуре формации русской души следующие оппозиции (книга «Русская идея»):

- природная, языческая дионистическая стихия и аскетически монашеское православие;
- деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность;
- жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость;
- обрядоверие и искание правды;
- индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм;
- национализм, самохвалство и универсализм, всечеловечность;
- эсхатологически мессианская религиозность и внешнее благочестие;
- искания Бога и воинствующее безбожие;
- смирение и наглость;
- рабство и бунт [16. С. 544].

Современные исследователи русской культуры вторят Бердяеву. Так, А.А. Мельникова замечает, что любая культурная установка «имеет в какой-либо форме своего двойника» [13. С. 119]. Поэтому в качестве исходной методологической установки следует принять тезис об изначальном дуализме русской культуры, ее дихотомичности, в силу чего в процессе интерпретации русской культуры особую актуальность обретает закон коммуникативного равновесия и принцип компенсаторности. Дуализм русской культуры противится применению к интерпретации последней формальных/количественных методов исследования, обнаруживает их нерелевантность, что проявляется в возможности серьезных ошибок в интерпретации смыслового поля локальных/национальных культур. Например, по отношению к взаимодействию с представителями русской культуры используются подходы в расчете на принадлежность данной культуры к числу высококонтекстуальных, с большой иерархической дистанцией власти, тогда как для носителей нашей культуры характерна дуальная модель поведения, в силу чего коммуникативные ожидания западных партнеров могут не оправдаться, поскольку в определенный момент коммуникации вступает в силу противоположная по отношению к предшествующей поведенческая модель/паттерн как обязательный член оппозиции в структуре культуры.

Представления западных мыслителей о загадочности русской души коренятся именно в русском культурном дуализме, который распространяется и на сферу национального характера.

Идея русского культурного дуализма нашла подтверждение в исследованиях, проведенных во всех гуманитарных науках – от философии культуры (Бердяев, Федотов и др.), истории (Александров, Янин и др.) до лингвистики (изучение категории неопределенности в русском языке: Арутюнова, Шмелев и др.) и психологии (Мельникова и др.). К примеру, труды советских ученых-историков Александрова, Янина позволили включить стабильную противоречивость в перечень черт/характеристик, составляющих портрет русской национальной культуры. Ученые показали, как эта черта воспроизводится на разных этапах исторического развития Руси-России, как две противоположные тенденции социально-политического устройства были характерны для Юга и Северо-Запада Руси, что изначально делало русскую государственность неустойчивой: абсолютизм княжеской власти, передававшейся по наследству на Юге, и народное самоуправление – вече – на Северо-Западе.

Одним из самых ярких оппонентов формальной методологии, безусловно, является российский культуролог Г.Д. Гачев, обобщивший результаты своей рефлексии нескольких десятилетий над национальными ментальностями и культурными мирами в фундаментальной книге «Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира» [2]. Однако методологию Гачева трудно заимствовать: она построена на абсолютной уникальности мышления отдельно взятой личности и проявляется, в том числе, в изобретении особого идиостиля с характерными для него образностью, ассоциативным мышлением, инверсией, нетерминологичностью, словотворчеством, выраженным едва ли не в большей степени, чем в произведениях художественной литературы. Вместе с тем можно взять за основу ключевые принципы, исходные методологические установки для системного изучения национального своеобразия культуры. Эти установки суть следующие:

1. Каждая национальная культура в оркестре мировой культуры дорога всем другим как своим уникальным «тембром» (неповторимостью), так и гармонией с ними [17. С. 9].
2. Каждый народ видит единое (интернациональное) устройство бытия в особой проекции, которую можно назвать «национальным образом мира». Последний представляет собой «вариант инварианта» (единой мировой цивилизации, единого исторического процесса) [там же]. Национальный образ мира как вариант означает, что каждый народ видит всю Вселенную, ее материальные и духовные явления в особом «повороте», имеет свой центр видения, свою национальную логику (даже немецкая классическая философия, претендующая на универсальность объяснения мира, локальна и носит отпечаток германского образа мира).
3. Всякая национальная целостность представляет собой единство национальной природы (Космоса), склада психики данного народа (Психеи) и особенностей его национального мышления или логики (Логоса). Это единство ученые именуют Космо-Психо-Логосом.
4. Национальная Культура находится в постоянном диалоге с Природой: их связывают не только отношения тождества, но и дополнительности. Последнее означает, что общественная жизнь и история каждого конкретного народа восполняют то, что не даровано стране от природы.
5. Национальное (как сам этнос, так и его язык) подвержено социальным, классовым разделениям (дифференциациям), растяжениям и расколам (эти расколы проявляются в наличии как минимум двух культур в каждой национальной культуре).
6. Однако анализ внутрикультурных расколов, дифференциации – это проблема дальнейшего исследования, «высшего пилотажа»; сначала же важно определить, что может быть раскалываемо, т. е. составить общий портрет национальной культуры, сформировать ее целостный образ.
7. Целостный образ национальной культуры отражается на самых разных ее уровнях – в пантеонах богов, в космогонических построениях (представлениях об устройстве Вселенной и Мира), в наборе основных архетипов-символов в искусстве и литературе. Целостный образ национальной культуры сказывается в каждом ее элементе: в позах, в жестах, обозначающих «да» и «нет», в изображении времен года в музыке и поэзии и т. д. Отчасти поэтому уровни и элементы национальной культуры следует изучать не изолированно друг от друга, а во взаимосвязи: они все вместе участвуют в формировании национального образа мира.
8. Элементы разных уровней внутри одной национальной культуры (субтильно-духовные явления и грубо материальные вещи) связаны между собой напрямую или опосредованно. (Так, утонченнейшие выкладки и умозрения ученых отражают те же впечатления, полученные от природы, климата, национального языка, пищи, которые получили простолюдины из этого народа и которые залегли в подсознание представителей данного народа в форме интуиций [17. С. 439].)
9. Связи между разноуровневыми элементами культуры могут лежать на поверхности, т. е. быть очевидными, но могут быть неочевидными, неуловимыми. Поэтому самая трудная задача, которую необходимо осуществить, хотя часто не удается это сделать, – «уловить ясные отличия национальных культур» и тем более выразить их в словах и терминах [17. С. 11].

В то же время заслуга и значение формальных/количественных методов изучения национальных культур заключается в том, что они задают общее направление поисков в аспекте сравнительного анализа культур (и языков), поскольку предлагают четко выделенные основания для сравнения (базовые характеристики).

Исходя из сказанного, предлагаемая автором настоящей статьи комбинаторика методов исследования базовых характеристик культуры в целом выглядит следующим образом: формальные методы используются на ограниченных отрезках исследования и помещаются в контекст неформальных методов (рис. 1):

Рис. 1. Формальные методы исследования в контексте неформальных

Возможна и другая модель: последовательное движение мысли исследователя по кругу от формальных методов исследования к неформальным и наоборот (рис. 2):

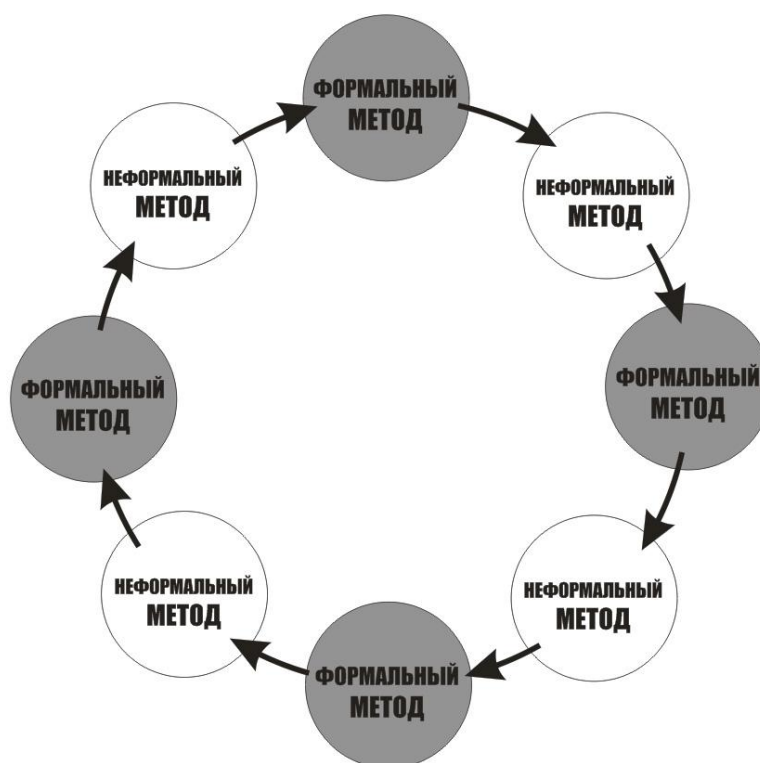

Рис. 2. Чередование формальных и неформальных методов исследования

Достижения западных социометрических исследований национальных/локальных культур, базирующиеся на формальных/количественных методах измерения, можно встроить в каркас российского системного подхода и за счет этого достичь значительных результатов в сфере сравнительного изучения национальных культур, совершить научный прорыв в данной области.

Неоценимую услугу в этом плане оказывают нам российские профессора социологии и экономики С.П. Мясоедов, С.Э. Пивоваров, И.А. Максимцев и др. [18, 8], которые проанализи-

ровали не переведенные на русский язык труды западных исследователей по социальной психологии и менеджменту и грамотно их прореферировали, выделив тот смысловой субстрат, который является универсально полезным для представителей всех областей гуманитарных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hall E. The Hidden Dimension. – Garden City, New York: Doubleday and Company, 1966.
2. Hall E. Beyond Culture. – Garden City, New York: Anchor Press/Doubleday, 1976.
3. Hall E. The Dance of Life. – Garden City, New York: Anchor Press/Doubleday, 1983.
4. Hofstede G. Culture's Consequences. International Differences in Work Related Values. – Beverly Hills: Sage, 1980.
5. Hofstede G. Cultures and Organization: Software of the Mind, Intercultural Cooperation and its Importance for Survival. – Maidenhead: McGraw-Hill, 1991.
6. Hofstede G.J. Cultures and Organizations: Software of the Mind. – New York: McGraw-Hill USA, 1997.
7. Trompenaars F. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. – London: Nicholas Brealey, 1993.
8. Пивоваров С.Э., Максимцев И.А. Сравнительный менеджмент: учебник для вузов. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 480 с.
9. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
10. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004 – 368 с.
11. Richmond Y. From Nyet to Da: Understanding the Russians. – Yarmouth: Intercultural Press, 1992.
12. Гусев А.И. К проблеме измерения толерантности к неопределенности // Практична психология та соціальна робота. – 2007. – № 1. – С. 21–28.
13. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с.
14. Песоцкая С.А. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. – 214 с.
15. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991.
16. Бердяев Н.А. Русская идея. – М.: Эксмо, СПб.: Мидгард, 2005. – 832 с.
17. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. – М.: Академический Проект, 2007. – 511 с.
18. Мясоедов С.П. Основы кросскультурного менеджмента: Как вести бизнес с представителями других стран и культур: учеб. пособие. – М.: Дело, 2012. – 256 с.

Поступила 20.01.2014 г.